

О. П. Евсеев, кандидат юридических наук, доцент

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПРИЗНАНИЯ УКРАИНОЙ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Как мы помним, при вынесении своего Заключения от 11 июля 2001 г. Конституционный Суд Украины (далее — КСУ) смутил фактически единственный аспект функционирования Международного Уголовного Суда (далее — МУС), а именно дополняющий характер его юрисдикции. Именно то обстоятельство, что МУС «дополняет национальные органы уголовной юстиции», послужило главным аргументом для признания Римского статута неконституционным. Сегодня, на наш взгляд, существуют следующие более-менее легальные способы придания ему юридической силы в украинском правовом порядке.

I. Самый беспорядный. При подготовке поправок в действующую Конституцию, которые предполагается подготовить до начала парламентских каникул лета 2014 г., можно пойти по немецкому или французскому пути, непосредственно внося изменения в Основной Закон, что раз и навсегда снимет все спекуляции на эту тему, а печально известное Заключение КСУ *ipso facto* утратит свою юридическую силу. Так, французская Конституция 8 июля 1999 г. была дополнена статьей 53², гласящей, что «Республика признает юрисдикцию МУС, как она предусмотрена положениями договора, подписанного 18 июля 1998 г.» Тем самым на конституционном уровне в самой общей форме признается юрисдикция МУС. Германия же 29 ноября 2000 г. дополнила ст. 16 Основного Закона, первоначальный текст которой устанавливал, что «ни один немец не может быть выдан за пределы Германии», следующим положением: «Законом может быть предусмотрено иное правило, допускающее выдачу государству – члену ЕС или международному суду, при условии соблюдения принципов правового государства». Как видим, в немецкой модели как бы делается исключение из общего статуса личности.

II. Пассивный. Вообще не предпринимать никаких ратификационных шагов, усиливая при этом работу по дипломатической линии, надеясь на то, что МУС проявит известный «судебный активизм» и по собственной инициативе откроет производство в отношении трагических событий, имевших место на Майдане 18–20 февраля 2014 г. в ходе проведения операции «Бу-меранг». В связи с этим подчеркнем, что ст. 17 Статута в принципе позволяет это делать, но только тогда, когда «имеет место нежелание государства обеспечить расследование и пресечение или неспособность сделать это ввиду полного или существенного развала национальной судебной системы». Однако очевидно и то, что признание нами подобного факта оконча-

тельно дискредитирует украинскую судебную систему в глазах западных партнеров.

III. Судебный. Приходится констатировать, что фактически единственным способом, который позволит преодолеть правовую позицию о неконституционности Римского статута, изложенную в Заключении КСУ от 11 июля 2001 г., является принятие КСУ нового Заключения, причем субъектами обращения с соответствующим представлением могут быть лишь Президент или Кабмин. Но также очевидно и то, что для очень многих такая «динамическая корректировка» КСУ собственных правовых позиций будет сродни желанию подстроиться под изменившуюся политическую конъюнктуру. Поэтому КСУ понадобится какая-то новая аргументация, более убедительная, чем та, которая звучала в ранее принятом Заключении. В данном случае можно попытаться обосновать тезис о том, что участие Украины в Римском статуте МУС следует трактовать как вид обязательств *erga omnes* («между всеми»). В самом деле, еще в 1970 г. Международный суд ООН подтвердил, что такие преступления, как агрессия, геноцид и др., «являются заботой всех государств. С учетом значения соответствующих прав все государства могут считаться обладающими юридическим интересом в их защите».

Да и сам КСУ в своем Заключении констатировал, что «установление ответственности за совершение большинства преступлений, предусмотренных Римским статутом, является международно-правовым обязательством Украины, в соответствии с другими международно-правовыми документами, которые вступили в силу для нашего государства (многие из них — задолго до вступления в силу Конституции Украины). К ним, в частности, относятся Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. (вступила в силу 15 февраля 1955 г.); Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. (вступила в силу 3 января 1955 г.); Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. (вступила в силу 3 января 1955 г.); Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. (вступила в силу 6 июля 1957 г.); Международная конвенция о предупреждении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г. (вступила в силу 18 июля 1976 г.); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (вступила в силу 26 июня 1987 г.). Фактически Статут отражает большинство положений, определяющих преступления, перечисленные в упомянутых выше и других конвенциях, к которым присоединилась Украина».

Таким образом, в новом Заключении КСУ следует подчеркнуть, что участие Украины в работе МУС нельзя рассматривать исключительно через

призму ратифікації (или нератифікації) Римського статута. Это, в первую очередь, касается государств — основателей ООН, к числу которых, как известно, относится и Украина.

С. Б. Жданенко, кандидат філософських наук, доцент

ЩОДО ПИТАННЯ НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ В УКРАЇНІ

Проблема ідентичності набуває особливої актуальності щодо сучасних українських реалій. За роки незалежності в нашій державі так і не сформувалася чітка, єдина національна ідентичність. Українське суспільство загалом та окремо взятий пересічний українець постійно стикаються з проблемами свого самовизначення. Це самовизначення відбувається як на тлі цивілізаційного вибору між двома головними моделями розвитку: європейською та євразійською, так і на підставі постійного пошуку своєї ідентичності у різних соціальних структурах повсякденності, які в наш час стрімко змінюються. Стан невизначеності перспектив українського суспільства та його окремих прошарків, коли суб'єкти перебувають нібито в різних соціальних реальностях, живуть у різних нормативно ціннісних координатах або зовсім у стані аномії, породжує кризу соціальної та особистої ідентичності.

В основі сучасного ракурсу розгляду проблематики ідентичності лежить уявлення про ідентичність як результат культури пізнього модерну. В рамках сучасного соціально-філософського знання формується інтегративне уявлення про ідентичність, що поєднує онтологічну, когнітивну, гносеологічну, аксіологічну проблематику.

Ідентифікацію можна визначити як «акультурацію» до способів, норм, практичних рекомендацій у повсякденному житті. Людина підкоряється стереотипам та процедурам, прийнятим у певній культурі, які зафіксовано перш за все у мові — способах усного мовлення, письма і читання. Набуття ідентичності було б неможливим без реалізації лінгвістичної системи за допомогою мовлення, винаходу своєї мови, самоствердження в сьогоденні.

У контексті діалогічної філософії сформульовано ідею всенаходження людини, згідно з якою справжнє «Я» завжди виявляється в точках розбіжності людини із самою собою, в її ідентифікації з «Іншим». Дійсно, проблема самовизначення спочатку виступає як співвіднесеність з іншими суб'єктами. Специфіка людського способу існування полягає в світі співвіднесення самовизначення і визначення «Іншими».

Головним критерієм самовизначення є активність життєвої позиції як результат взаємодії об'єктивного процесу спілкування з «Іншими» і суб'єктивного внутрішнього процесу самовизначення.